

Порой время странно, а где-то и горько, шутит, разводя встречи людей на «доли секунды», считая общеисторическими временными мерками. С одним из старейших витебских художников Петром Максовичем Явичем я разминулса всего на четыре года. Сущая мелочь, если брать исторические временные отрезки, которые меряются столетиями, тысячелетиями, миллионами лет. Петра Максовича по праву можно считать легендой витебской художественной школы. Родившийся далеко, в небольшом венгерском городке Терексентмиклош, Пётр Максович за долгий жизненный путь успел настолько сродниться с белорусским «городом художников», так прочно связать биографию с историей Витебска и его знаменитыми подвижниками, что представить любую арт-прогулку по городу над Западной Двиной без имени художника Петра Явича — невозможно. Витебск — удивительный город, пронизанный художественной историей, на его улицах редко встречаются скульптурные монументы, изображающие создателей этого городского художественного образа. Пожалуй, кроме памятников Марку Шагалу, иным художникам памятников и не встретишь. Словно Витебск наме-

ренно отказывается от изображения своих мастеров в холоде безжизненного металла, сохраняя память о них в шорохе листвы на набережной, в аромате сирени, окутывающем город в начале лета, в тишине изогнутых, разбегающихся от проспектов узеньких улочках. Во всём, что любили они, что вдохновляло их, где и сегодня дотошному путешественнику можно ещё различить их следы.

Пётр Явич. Памятник времени

Косой луч сентябрьского, ещё не растерявшего тепла солнца, лёг на подоконник, тут же запутавшись в косматой густоте соцветий и стеблей букета полевых цветов, стоящего в вазе. Пробираясь сквозь дребезжащий и словно бы колышущийся полумрак мастерской, луч стал изучать новое для себя пространство. Скользя со стола на пол, он потихоньку дополз до ближайшей стены, изучил буро-оранжевые половицы, деревянный плинтус, пробрался между плотно прижавшихся друг к другу картинных рам и остановился, залюбовавшись изображённым на одной из картин натюрмортом. Немного подождав, луч лёг на картину и больше уже не двигался. В то же время художник оторвался от холста

П.М. Явич

и откинул с лица выбившуюся прядь длинных седых волос. С интересом разглядывая солнечный луч и преобразённую им картину, художник обошёл мольберт, подошёл к столу и сделал несколько глотков чая из стоящего на столе стакана в подстаканнике. Решив, что от вмешательства незваного гостя работа не пострадала, а даже наоборот — приобрела что-то новое, старик пододвинул стул и стал рассматривать город за окнами мастерской. Пришло время каштанов. Вчера, гуляя по городу, он видел, как дети собирали их, набивая карманы курток. Витебск, в отличие от венгерского Терексентмиклоша, никогда не наполнялся осенью ароматом жареных каштанов, таким знакомым ещё по его детским воспоминаниям. Каштаны жарили на рыночной площади, и аромат их доносило ветром до самой желез-

нодорожной станции. Витебск во многом отличался от города детства, хотя и он совершенно не тот Иштван Явич, бегавший между улочками австро-венгерского городка. Петей Явичем он стал уже в Витебске, куда они с матерью переехали вслед за отцом, вернувшимся в родной город. Отец — Макс Явич — родился в Витебске. В 1913 году его забрали в солдаты, служил под Вязьмой, а там грянула и Первая мировая война. Невдалеке от польской границы попал в плен к австро-венграм, так и связалась жизнь с этой удивительной далёкой страной из детских снов Пети Явича.

С наступлением 1919 года Венгрию охватила «революция астр», шествующая под лозунгом: «Вся власть Советам!». Но красные-белые, коммунисты, социал-демокра-

Автопортрет

Детство

ты, мятежи, заводские стачки — всё это было в Будапеште, а в Терексентмиклоше, где Макс Явич работал парикмахером, отголоски революционных событий слышались глухо и практически не замечались. В 1925 году маленький Иштван пошёл в школу, в том же году отец решил вернуться на родину, в Витебск. По началу, по отъезду отца, родственники матери, чистокровной венгерки Илоны, дочери терексентмиклошевского кузнеца, решили, что он оставил семью и уже не вернётся за ними, поэтому при поступлении в школу Иштван был записан по фамилии матери Мотуз. Однако меньше чем через год семья воссоединилась, и мальчик оказался в незнакомом ему городе.

По сравнению с тихим и уютным венгерским городком, Витебск порадовал широтой улиц, множеством людей, гремящими трамваями. Отец продолжил работу парикмахером и, надо сказать, слыл в городе про-

фессионалом своего дела. В очередь на стрижку и бритвё к Макс Явичу всегда становились в очередь. Сказывалось ещё и бережное отношение парикмахера к каждому из своих клиентов. Однажды Петя наблюдал, как к отцу пришёл бриться известный художник Пэн, знаменитый не только своим творчеством, но и постоянной склонностью к простуде. Отец во время бриться успевал ещё вытирать салфеткой простуженный нос художника.

Что касаето Пэна, то Макс Явич обслуживал его постоянно. Художник не раз поражался виртуозной манере владения бритвой, ведь ни разу не порезал! Именно с отцовской парикмахерской и с имени Юделя Пэна начинается творческий путь художника Петра Явича.

На закате

Однажды бывшие ученики Пэна, проживавшие в Венгрии, прислали учителю журнал «Пештинапло», в котором была опубликована статья о художнике и представлено несколько репродукций его работ. Но как прочесть написанное по-венгерски в Витебске? И тут художнику пришло на ум, что его знакомый парикма-

хер — Макс Явич, кажется жил в Венгрии, да и жена у него венгерка.

После того, как Пэну перевели столь взволновавшую его статью, растроганный художник спросил, есть ли в семье дети. Узнав, что сын Явичей вместо того, чтобы усердно заниматься музыкой, как того хотел отец, пачкает всё вокруг своими «каракулями», художник буквально потребовал, чтобы отец в тот же вечер привёл сына к нему в мастерскую. Так для Пети Явича открылась дверь в мир живописи, холстов, красок, света и вдохновения.

Первым заданием, которое дал знаменитый художник своим ученикам, а было их помимо Явича ещё трое, стал рисунок с гипсового слепка головы Иисуса Христа, который висел у Юрия Моисеевича над дверью. И результатом учитель, как помнилось, остался доволен. Сделал

лишь замечание относительно носа. У Пети на рисунке нос был идеально ровным, когда на слепке отчётливо была видна горбинка. Как часто впоследствии, став уважаемым и востребованным художником, Пётр Максович будет с благодарностью вспоминать те несколько лет, проведённых в мастерской Пэна и самого равнодушного учителя. Не имея собственных детей и посвятив себя полностью живописи, Пэн относился к своим ученикам с искренним пониманием и отеческой заботой. Позже Явича неприятно поражали разговоры о скупости художника. Совсем иным запомнил он своего учителя. Часто, учитывая финансовое состояние родителей ученика, художник отказывался даже от ежемесячной платы за обучение, полагая, что этот рубль может быть истрачен на необходимые нужды

Натюрморт

Поляна

семьи. Однажды Петя со своими товарищами по школе Пэна был свидетелем, как к художнику пришла женщина — просить отсрочки возвращения долга. Немного поговорив с ней, Юрий Моисеевич отпустил её, полностью простив ей долг. На немой вопрос в глазах учеников пояснил: «Где ей, бедной, взять эти деньги? А с меня не убудет». Всегда аккуратно одетый, в костюме, под которым носил неизменный серый свитер, в шляпе — Пэн очень отличался от большинства горожан. Даже во время недомоганий Юрий Моисеевич не отменял занятий, художник хотел как можно больше своего накопленного опыта, своего умения передать этим мальчикам. А было на тот момент Пэну уже к восьмидесяти, и как оказалось, жизнь старого учителя уже стремительно шла к своему трагическому завершению. Но кто об

этом тогда мог знать? Даже спустя годы Пётр Максович прекрасно помнил дом на улице Гоголевской, вход в подъезд, рядом с которым располагалась арка, через которую можно было попасть во двор. Квартира на втором этаже, дверь которой неизменно открывал сам хозяин. Прихожая, узкий длинный коридор, к торцовой стене которого приставлен огромный сундук, словно немой старый слуга, встречающий пришедших в его владения. В том сундуке хранились старые академические рисунки Юрия Моисеевича. О, как хотелось им, мальчишкам, заглянуть в его необъятные, будоражащие воображение бездны... В это начало-начал...

За прихожей шли комнаты, при посещении которых всегда захватывало дух. Как вспоминал Марк Шагал, ещё один ученик Пэна: «свободным оставался лишь потолок, и не

оттого ли впоследствии меня так тянуло расписывать именно потолки, плафоны...» Вдоль стен в два — три ряда располагались работы, места которым уже просто не нашлось.

Среди всего этого художественного разнообразия был обустроен небольшой класс — несколько простых табуретов, неизменных спутников любого художника, планшеты для работы; на подставках стояли казавшиеся огромными и таинственными гипсовые слепки. Общую картину довершал возвышавшийся над учениками портрет Людвига ван Бетховена. Музыку Бетховена и Шопена художник любил больше всего. Портрет Шопена будет стоять у изголовья гроба учителя, когда с ним будут прощаться.

Портрет

В памяти навсегда остался тот промозглый первый весенний день 1937 года, пронизанный ветрами и холодом затянувшейся зимы. В день убийства весь город лихорадило. Лейтмотивом протеста было всеобщее осознание жгучей несправедливости... Даже сейчас, по прошествии стольких лет, нет ответа, кто с такой

Портрет М. Шмырёва

зверской жестокостью убил старика. Да важно ли это на самом деле? Пэну — уже нет, а коль скоро существует Высший Небесный суд, так все своё уже получили. В тот страшный год несчастья, казалось, следовали одно за другим. По обвинению в шпионаже в пользу венгров, а может быть и австро-венгров, был арестован отец — Макс Явич. Чуть позже знакомая машинистка, служившая в «серьёзном ведомстве», шепнула матери: «Видела Макса в списках на расстрел...» В это время Пётр Явич уже оканчивал Витебский художественный техникум. Талантливый, отличник в учёбе. Его преподаватели И.О. Ахремчик и Ф. А. Фогт прочили для него прямую дорогу в театрально-художественный институт. Но тогда пришлось бы оставить в Витебске мать с двумя младшими сестрёнками практически без средств к существованию. Отказавшись от радужных перспектив, художник отправился помощником декоратора

в минский Большой театр оперы и балета. Проработав чуть больше года в столице, Явич вернулся в Витебск, устроившись работать ретушёром в газету «Витебский рабочий», где проработал до начала Великой Отечественной войны.

Фронт сделал из выпускника-отличника художественного техникума вначале пулемётчика, затем переводчика. Не смотря на все тяготы и лишения жизни военного периода, своё занятие рисунком художник не оставлял. Рисовал всюду и на чём придётся: попадался лист трофейной бумаги — делал портреты однопольчан, иногда рисовал прямо на земле во время отдыха. Под конец войны, несмотря на портящее личное дело клеймо сына «врага народа», Явича взяли в контрразведку, вместе с ней он дошёл и до Венгрии, столь родной по детским воспоминаниям. Ему довелось освобождать её от фашистов. Здесь же, в родных местах, выдался уникальный случай, о котором он мечтал всю предыдущую жизнь. Уже после освобождения Венгрии штаб дивизии, зная про художественный талант Явича-портретиста, заказал ему портрет комдива, Героя Советского Союза генерала Берестова. Портрет, на котором боевой, молодцеватый генерал предстал во всём великолепии орденов и медалей, настолько понравился командиру дивизии, что он, не раздумывая, предложил художнику плату за него. От денежного вознаграждения Явич деликатно отказался, однако попросил о другой «плате» — посетить в Будапеште музей

изобразительных искусств. Генерал не только не отказал, но даже выделил сопровождение и машину для поездки художника в столицу освобождённого государства. То удивительное чувство соприкосновения с титанами, о которых когда-то в небольшой витебской мастерской рассказывал старый учитель, осталось после той экскурсии 1945 года навсегда в сердце художника. Особенно поразила «Голова воина» — этюд к флорентийской фреске в Палаццо Веккьо работы Леонардо да Винчи — «Битва при Ангиари». Навсегда врезались в память яростное выражение лица, полные ужаса и ненависти глаза. Как сильно отличалась эта работа от того портрета улыбающегося генерала, который он только что окончил.

Много позже впечатления от работы великого флорентийца художник выразит в одной из самых известных работ — в портрете Героя Советского Союза, организатора партизанского движения Витебщины Миная Шмырёва. Во взгляде легендарного партизана читается весь ужас пережитых им событий, точно понятая художником гамма чувств известного командира, потерявшего во время страшной войны всю свою семью. После войны Пётр Максович вернулся в родной Витебск. Война практически полностью стёрла город детства и юности с лица земли. Из некогда крупного культурно-экономического центра республики Витебск превратился в руины. Выжившие горожане ютились по уцелевшим постройкам. Да и было тех

горожан совсем немного. После го-
лода и разрушительных авиаударов
встречать армию победителей выш-
ли всего 118 уцелевших витеблян, а
до начала войны в городе проживало
более ста тысяч человек. Бродя меж-
ду разрушенными домами, по ули-
цам, где тут и там стояли таблички,
предостерегающие о минах, Явич
с грустью вспоминал прежний Ви-
тебск. Как никогда остро в эти ми-
нуты ощущалась важность присут-
ствия в городе художников, спосо-
бных излечить его раны, создать ему
новое лицо. Восстановление «города
художников» вряд ли можно было
бы представить без их участия.

Поначалу работы было много.
Пётр Максович участвовал в раз-
борах завалов, одновременно ре-
шались вопросы возвращения в
Витебск художественной школы. В
1948 году страна праздновала 30-ле-
тие образования Белорусской ССР. В
рамках праздничных мероприятий
в Минске была организована респу-
бликанская выставка художников,
в которой впервые принял участие
художник. На выставку официаль-
ные власти привозили гостей со всех
городов необъятной страны. Оказа-
лись в выставочном зале и сотру-
дники Государственной Третьяков-
ской галереи. Увидев работы худож-
ника-портретиста из Витебска, они
пожелали встретиться с ним, а при
встрече предложили перебраться в
Москву. Но Явич отказался, слишком
уж много значила Белоруссия и род-
ной Витебск в судьбе и творчестве
художника. Однако работы свои со-
гласился передать музею. Так с 1948

Явич с портретом комдива

года творчество Петра Максовича
стало распространяться по миру. Ко-
нец 40-х годов означился ещё одним
важным событием в жизни худож-
ника. После образования в 1949 году
в Витебске художественно-графи-
ческого факультета при Витебском
педагогическом институте, Союз
художников Белоруссии уполномо-
чил художника Явича организовать
отделение СХБ в Витебске.

Сложно было назвать эти годы
лёгкими, но они давали художнику
главное — ощущение востребован-
ности. Вместе с коллегами по худо-
жественному комбинату искусств
— А. Корженевским, В. Кухаревым,
В. Дежицем Явич создавал огромные
копии с известных полотен на исто-

рические, политические, социальные темы. Эти работы украшали город к праздникам, встречали гостей Витебска в здании железнодорожного вокзала. А вечерами уединялся в мастерской, занимаясь творчеством для души...

Оторвавшись от картины за окном, художник поставил на стол пустой стакан и, тяжело поднявшись, вновь побрёл к оставленному холсту, где уже отчётливо вырисовывалась россыпь наливных яблок, лежащих у подножья высокой вазы. Взявшись за кисть, старик ещё раз оглянулся на картину, где, как казалось, совсем недавно гостил луч солнца. Луча уже не было. Не было и солнца, приветливо заглядывавшего в окна мастерской. «Убежал!», — вздохнул художник, и, кажется, тут же забыв обо всём, продолжил прерванную работу.

* * *

В историю белорусской живописи художник вошёл как знаковый портретист, мастер натюрморта и пейзажа. Среди его работ особое место занимают портреты военных командиров, партизан, артистов Национального академического драматического театра имени Я. Коласа, пейзажи Витебска и Витебщины. С середины 60-х годов, когда выставки стали проводиться достаточно регулярно, появилась возможность демонстрировать работы зачастую

далеко за пределами Витебска. Так в 1989 году судьба вновь вернула художника на его историческую Родину. В городе Терексентмиклош прошла персональная выставка Петра Явича. В 2006 году работы художника экспонировались на совместной белорусско-германской выставке «Искусство без границ» в Витебске.

Но для Витебска и Витебской художественной школы в первую очередь имя Петра Максовича Явича связано с новым этапом в их развитии. Послевоенное возрождение художественного пространства города, появление в нём профессиональных художников — во многом заслуга Явича.

Пётр Максович Явич прожил долгую жизнь. Художника не стало 14 октября 2008 года на 91-м году жизни. Ещё при жизни Пётр Явич изъявлял желание передать все свои работы в дар Витебску с условием, что они будут постоянно экспонироваться. К сожалению, несмотря на многочисленные разговоры о создании галереи Явича, которая и сегодня могла бы занять мемориальное пространство художника, музея одного из самых выдающихся представителей белорусского соцреализма в городе не существует. А ведь художественный мир, как, впрочем, и любой другой, требует разнообразия. И думается, Витебск только бы выиграл, если к именам знаменитых витеблян прибавил бы и имя Петра Явича.

г. Витебск

Работы Петра Явича

Дорога в лесу

Портрет

Рабочий